

"ГЛОБАЛИЗАЦИЯ-С-ЛОКАЛИЗАЦИЕЙ", ИЛИ ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО

*Информационные технологии, глобализация,
ее герои и их женщины*

Елена Гапова

«Сейчас в Силиконовой долине работает один миллион человек, 40% из которых имеют по крайней мере степень бакалавра, а более чем треть родились за границей».

Гэрри Бэкер, лауреат Нобелевской премии по экономике

«Милитаризм испытывает необходимости использовать и одновременно маргинализировать всех женщин; они будут играть в обществе роль бредущего за войском обоза до тех пор, пока армия как институт и милитаризм как идеология будут приниматься в качестве гарантов социальной стабильности».

Синтия Энлоу

Центральным предметом этой статьи являются информационные технологии (ИТ) как «глобальный феномен» с точки зрения тех связей, на пересечении которых они существуют как социальное (а не техническое) явление, с точки зрения тех идей о мужественности и женственности, которые встроены в них, а также в процессы распространения этих технологий в мировом пространстве, характерные для конца/начала тысячелетия. Каждый из этих вопросов обширен и не может быть рассмотрен сколько-нибудь полно в рамках одной статьи, однако я считаю необходимым затронуть как можно больше тем, связанных – в рамках общего дискурса «гендер/глобализация» – с информационными технологиями, некоторые из них, возможно, только обозначив, потому что хочу показать это явление как

Благодарю Игоря Климчинского, без чьего интеллектуального участия и многочисленных консультаций эта статья не была бы написана

глобальное не «количественно», а через сложную сеть социальных связей и проблемных узлов.

Более конкретно, эта статья затрагивает два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, она касается проблемы ИТ как мира мужских значений: как в смысле жизненной практики – кто (мужчины и женщины) что делает, разрабатывает и использует, так и в символическом смысле – кого куда относит культурное воображение (например, статья в «Огоньке» об Ольге Дергуновой, возглавляющей представительство компании *Microsoft* в России и странах СНГ, озаглавлена «Женское лицо мужского бизнеса»). Во-вторых, рассмотрение ИТ проливает свет на отношения власти/зависимости между «первым миром» и постсоветским пространством: не случайно появился образ «нашего» хакера, извечного Иванушки-дурачка, удалого молодца, умелого «левши», который силой собственных мозгов взламывает хитроумные американские банки и переводит оттуда суммы со множеством нулей. На хакеров, в отличие от Чубайса, в нашей части света никто зла не держит: они грабят не бедных, а богатых, к тому же «других» (а мы-то бедны!). Иначе говоря, главный вопрос статьи может быть сформулирован в виде вопроса: как посредством ИТ распределяется власть между мужчинами и женщинами? – и между «частями света»?; влияя при этом на то, как мы живем каждый день, какими профессиями зарабатываем, какими способами отдыхаем и какую форму принимают наши семьи?

Под «информационными технологиями» (ИТ) я буду понимать сферу разработки, производства и использования технических и программных средств, при помощи которых в современном мире осуществляется информационный обмен. В некоторых случаях я буду пользоваться терминами «новые технологии», «высокие технологии», «наукоемкие области» и т.п. В строгом смысле слова они не синонимичны, однако я буду считать их таковыми в рамках данной статьи в силу того, что так или иначе все они выстроены, образно говоря, «вокруг компьютера». Соответственно, говоря о специалистах в этой области, я буду пользоваться названиями «программисты», «компьютерщики», «кодировщики», «хайтеки» (от англ. *high tech*), не проводя между ними строгих разграничений.

В качестве «данных» (или культурных свидетельств) при работе над статьей были использованы дискуссионные материалы, касающиеся социальных аспектов ИТ, опубликованные в профессиональных американских журналах по информационным технологиям (*Software Development*, *Photonics Spectra*, *Dr.Dobb's Journal*, *Embedded Systems* и некоторых других), бюллетеней *IEEE* (Американской ассоциации инженеров-электриков и электронщиков) «The Institute», американской прессе (газете *New York Times* и журнале *Newsweek*), в российских популярных изданиях, а также Интернет-публикации. Кроме того, я опираюсь на данные, полученные из 13 частично структурированных интервью (которые будут описаны далее), взятых у специалистов по новым технологиям и у членов их семей (выходцев из Белоруссии, России и Украины), а также в значительной степени на включенное наблюдение за субкультурой и повседневной жизнью этой среды в

США и в Беларуси. Кроме того, некоторые сведения были получены из интернетовских форумов, созданных программистами-выходцами из бывшего СССР в виртуальном пространстве Америки и Канады для обсуждения проблем, связанных с миграционным опытом. Иначе говоря, я опираюсь на всевозможные свидетельства публичного обсуждения сферы ИТ. В совокупности все эти тексты могут быть рассмотрены как элементы одного дискурса, описывающего мир новых технологий и «проговаривающего» его властные иерархии.

Краткий курс истории технологии в двух географиях

В нашем коллективном воображении персональный компьютер, спутник прогресса, связан с эпохой падения коммунизма, когда в обществе вдруг появился секс (порнография, проституция, секс-торговля, легитимизации нестандартных сексуальностей), приватизация, «новые русские» и «русские» программисты (две категории хорошо зарабатывающих молодых мужчин), безработица, займы МВФ, открытые границы, тайваньский ширпотреб, гранты и фонды (каждая НПО ищет средства на покупку компьютера), доступ в интернет, «Русский дом Селенга» (сколько бывших ЭВМ-щиков ушло в бизнес?) и прочие газпромы. Будучи включенным как в бизнес, так и в гражданское общество информационной эры, компьютер (подобно печатному станку капитализма, одному из общественных рычагов эпохи национальных государств) является не просто «инструментом», а социальным явлением, потому что не существует «наилучшего» компьютерного дизайна или способов его интегрирования в социальные сети. Возникшая устойчивая конфигурация – современный настольный компьютер и соответствующее программное обеспечение – является результатом переговоров о распределении власти между различными группами (включая инженеров)¹. В компьютере ничто не «естественно» – он возникает из определенной социальной ситуации: деньги на разработку новых технологий выделяют группы людей, у которых есть свои глобальные, коммерческие, военные, личные интересы; эти группы поддерживают или тормозят одни разработки, а не другие; в борьбе за распределение ассигнований велика роль «отдельных личностей», которые способны «пробить» бюрократические барьеры (или пробиться в правительственный кабинет); выход новых продуктов на рынок зависит от того, кто и почему решает их продвигать и покупать как на уровне больших компаний, так и обычных домохозяек, у которых вдруг появляется «желание» дистанционно-управляемого холодильника, для чего нужны соответствующие рекламные кампании и сама идея домашнего хозяйства как современной технологии. Встраиваясь в общество, «техника» становится частью политики, т.е. отношений власти, включая политики глобализации и женственности/мужественности.

Хотя прообраз ЭВМ – «машина Бэббиджа» – была сконструирована еще в 1835 г., интенсивная разработка компьютера началась лишь во время Второй мировой войны в связи с необходимостью взламывать шифры секретной

информации противника. В 1943 г. в Англии был создан «Colossus», в котором использовались некоторые идеи польских инженеров, а затем последовал американский *ENIAC*, где была разработана «ньюмановская архитектура» – надежный принцип передачи информации.

С самого своего возникновения компьютер был связан с идеей войны как со сферой мужского доминирования. Его дальнейшее совершенствование (переход от вакуумных ламп к электронным схемам, а затем микрочипам, что позволило уменьшить размеры устройства в десятки раз: еще двадцать лет назад одна ЭВМ занимала половину спортивного зала, а в научной фантастике тех лет светлое будущее представлялось в виде череды зданий, начиненных вычислительной техникой) происходило в условиях уже другой – холодной – войны, стимулировалось идеей «соревнования двух систем» и финансировалось через военных заказчиков. «Защита женщин и детей» почему-то требовала создания новых типов вооружений и обслуживания военных потребностей: разработки баллистических ракет, расчета их траекторий и погоды во время полета, производства систем наведения, оснащения ядерных подлодок надежными системами навигации и т.д. Кроме того, в «новой» войне кардинальным образом изменилась роль информации (или шпионажа), что повлекло интенсивное развитие устройств для ее обработки. Информация или «разведка» всегда играла огромную роль в войне, но никогда не являлась самоцелью. Во время холодной войны получение информации превратилось в непосредственную цель и стимулировало появление разведывательных спутников, устройств дешифровки, симуляций и «военных игр»². Военные министерства начали вкладывать огромные средства в совершенствование цифровых машин, а также в фундаментальные исследования.

В начале 50-х гг. возможностями ЭВМ заинтересовался (американский) бизнес. В течение трех десятилетий корпорация *IBM (International Business Machine)* являлась самым мощным в мире производителем вычислительной техники. Однако эта жестко структурированная иерархия с огромными исследовательскими ресурсами проиграла гонку нескольким возникшим «из ниоткуда» (выросшим на гражданских заказах) фирмам, одной из которых руководил парнишка по имени Билл Гейтс. Насколько важен тот факт, что папа этого парнишки занимался закупкой компьютерных программ для крупных потребителей? Сейчас на рынке – уже не американском, а мировом – царствует (с некоторыми проблемами) компания Гейтса *Microsoft*, ненавидимая многими за жесткую политику подавления конкурентов и даже судимая и (неокончательно) приговоренная правительством к разделу как «монополист».

На Западе невоенное деловое и повседневное потребление стало еще одним стимулом для развития новых технологий: рынок обеспечивает как экономический стимул для изобретателя, так и наличие свободных денег и механизм передачи изобретений из узких специальных кругов в общество, в новые товары и услуги.

Легендарная Кремниевая Долина в Калифорнии, район сосредоточения огромного количества компаний, разрабатывающих новые технологии, и выросших на них миллионеров, обязана своим появлением именно гражданскому потреблению. СССР отличался от западных стран отсутствием такового. Милитаризованное государство как основной заказчик, работодатель и распределитель ресурсов определяло направления и стратегии разработок, предназначенных прежде всего для военных нужд и осуществлявшихся в условиях, приближенных к военным. В романе А. Солженицына «В круге первом» действие происходит в «шарашке» – тюремном НИИ, занятом разработкой информационных технологий (фабула завязана вокруг изобретения устройства распознавания речи). В «шарашке» работал зэк С.П. Королев, впоследствии генеральный конструктор советской космической техники. С военными НИИ были связаны и академик Сахаров, и академик Курчатов. Существовали закрытые города – вокруг полигонов, наукоёмких производств, исследовательских центров, занятых высокими технологиями. Милитаризм определял и политики сексуальности: «распределенные» туда мужчины стремились заблаговременно жениться, потому что на месте ярмарка невест отсутствовала.

В определенном смысле «шарашка» идеальна. Она не оставляет разработчику каких-либо сомнений относительно того, «что делать», обеспечивает все его жизненные потребности (кров, еда, одежда и даже иногда, если повезет, женщина), ставит на службу технологической цели государственную репрессивную машину и предоставляет, если в том возникает необходимость, огромные технические и человеческие ресурсы. Она же в значительной степени производит сегрегацию мужчин и женщин и отстранение последних от технологий, формирует особый тип маскулинности и представление, что для работы с ИТ нужны «мужские качества»: готовность жить в казарме, работать ночами и без выходных, не отвлекаться на личную жизнь, а еще лучше – не иметь ее вообще и, главное, «хранить тайну». В романе Солженицына женщин две. Одна, оставшаяся на свободе жена, пытается сохранить верность мужу-зэку, т.е. озабочена личным. Вторая, вольнонаемная, занимающая в шарашке какую-то мелкую техническую должность, более всего занята своим чувством к зэку и, таким образом, готова «продать тайну» и поставить личное выше общественного.

В 60-е гг. в СССР был популярен собирательный образ «физиков» (компьютерщики, работавшие на «Минсках» и БЭСМах, были их элитой) – интеллектуалов и квн-щиков (выходили сборники «физики шутят»), которые едут «за туманом и за запахом тайги», но вообще-то, как следует из культовой книги эпохи, романа А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» или фильма М. Рома «Девять дней одного года», более всего интересуются своими электронами и на «личное» смотрят как на помеху работе, т.е. сохраняют элементы режимного сознания. За пределами популярной мифологии остались

реалии «режима» (режимное предприятие, режимные разработки), «допуска» и «первого отдела», которые существовали в гражданских исследовательских структурах негуманитарного профиля, чем бы они ни занимались. В кибернетическом институте, где я работала, «первоотделщик» ходил летом по комнатам и закрывал распахнутые окна. «Воздух, – говорил он, – имеет завихрения: вылетит бумажка на улицу, а поднимет ее шпион». У входа стоял милиционер, выйти из здания разрешалось на 48 минут обеденного перерыва: это была отрыжка «шарашки», жесткой тюремно-исследовательской структуры.

В середине 80-х гг. проблема потребления (вернее, дефицита) стала угрожать существованию самого социального порядка (и, в конце концов, его расшатала), и Михаил Горбачев сделал попытку цивилизовать экономику. В 1988 году, выступая в ООН, он объявил об огромных односторонних сокращениях военных расходов и начале программы конверсии, т.е. переориентации части военной промышленности на выпуск гражданской продукции. Соотношение военная/гражданская продукция в военной промышленности составляло тогда 60/40; в течение пяти лет оно должно было измениться на 40/60³. Произошло значительное сокращение государственных заказов и инвестиций в сферу исследований, разработки и внедрения в военной области, что оказало влияние на все сферы, т.к. «гражданские» исследования финансировались также Министерством обороны: кроме собственно оружия, ему были нужны средства картографирования, микрофильмирования, считывания, распознавания, слежения, оптика, электроника, химия, физика и математика. В отсутствие потребительского рынка ВПК так или иначе являлся главным работодателем, и когда он распался, «новые технологии» оказались в кризисе. В конце 80-х гг. в программе «Время» неоднократно показывали, как предприятия, занятые прежде высокими технологиями (например, ракетами СС-20), теперь выпускают металлические остовы для кроватей.

В настоящее время на Западе существуют два основных показателя состояния экономики: общий индекс Доу-Джонса и индекс *NASDAQ*, регистрирующий колебания акций в сфере информационных технологий (его еще называют индексом новой экономики). Компьютерная индустрия превратилась в глобальный бизнес. Детали компьютеров изготавливаются по всему миру. Сборка узлов, произведенных на Тайване, в Гонконге или Сингапуре, происходит в Минске, Киеве, Варшаве, Новосибирске. Программное обеспечение пишется в Америке, Индии, Китае, Восточной Европе. Разрабатывают его выходцы из десятков стран, в основном – мужчины. Заказы на программное обеспечение более всего исходят с Запада, где обычно и используются: компьютеризация жизни в первом мире достигла того уровня, когда погоду утром узнают, зайдя на соответствующий сайт, а не во двор.

Одновременно компьютеризация стала и средством социального контроля, что породило дискуссии о месте информации в демократическом обществе. Сегодня интеллигенция на минских кухнях обсуждает отключение некоторых

интернетовских доменов во время президентских выборов или контроль над своей имейловской перепиской так же, как когда-то обсуждались передачи «Голоса Америки». Интеллектуалы на Западе озабочены легкостью доступа к порносайтам и сексуальной эксплуатацией детей, в особенности из третьего мира, при помощи Интернета. Одна американская актриса на вопрос о том, чего она более всего боится, ответила, что боится использования изображений своего тела как объекта для виртуального секса.

Все это свидетельства одного глобального изменения: кончилось время металлургов в промасленных спецовках. Они более не являются гарантами экономического процветания: грязные производства богатые страны переводят в третий, т.е. бедный мир; западные интеллектуалы гордятся теперь своим чистым воздухом и посещают магазины, где продаются «экологически чистые продукты»⁴. Место «металлургов» заняли ребята у компьютеров, новые профессионалы, «хайтеки». Их рассматривают как тот ресурс, который, в отличие от нефти, не пропадает при использовании навсегда, а, наоборот, возвращается развитыми информационными сетями, высокими зарплатами разработчиков, и, соответственно, широкой сетью товаров и услуг. Компьютеризация и наличие профессионалов в области ИТ стали рассматриваться в качестве свидетельств державной мощи и места страны в международной властной иерархии.

Компьютер, на котором я пишу этот текст, оснащен программой, разработанной компанией Гейтса. Компьютеры тех, кто будет его читать – тоже. Тот факт, что мы работаем на мейкрософтовских программах, которые, однако, в большинстве случаев нелегально скопированы, т.е. украдены, т.к. купить их в нашей части света мало кто может себе позволить или не считает нужным (один из моих респондентов оснастил «скопированными» программами целое министерство в Беларуси, что интересно для изучения поведения бедных стран в глобализационных процессах), свидетельствует о классической властной дихотомии в отношениях между Востоком и Западом. Приняв эти соображения за основу, я попытаюсь далее остановиться на роли «наш их программистов» и «их женщин» в политической драме – реконфигурации властных отношений между двумя регионами: Северной Америкой и постсоветским пространством, т.к. гендерная и национальная политики «запаяны» в каждый микрочип.

Герои нашего времени

Мы живем в мире, пишет один из основоположников теории глобализации А. Аппадурай, который определяется «объектами в движении», и привыкли уже считать такое определение общим местом⁵. К объектам он относит идеи и идеологии, людей и товары, образы и сообщения, технологии и технику – т.е. все, что ныне движется. Глобалисты говорят о том, что мир сегодня стал единой «деревней», где достаточно свободно перемещаются потоки товаров, услуг, людей

и денег, рынок труда глобален, а потребность в рабочей силе может возмещаться за счет притока извне, т.е. что национальное государство в некотором смысле «преодолено». Глобалистская точка зрения в своем логическом завершении подразумевает, во-первых, существование неравенства между различными регионами планеты (т.к. глобализация как неровный экономический процесс создает фрагментированное и неравное распределение ресурсов, почему рабочая сила и «перемещается») и, во-вторых, существование многих других иерархий.

Движение в сфере постсоветских ИТ определяется тем, что есть вузы и как-то финансируемая государствами система подготовки специалистов, но почти исчезла работа на родине или, вернее, «на родину». Высокие технологии дороги и не могут финансироваться малым бизнесом, и когда государство (а точнее, ВПК) «ушло», основными работодателями хайтеков стали западные или транснациональные компании. По свидетельству менеджера программистской компании в Беларуси, т.е. человека, зарабатывающего на жизнь посредством ИТ,

Основной рынок заказов находится там. Есть страны, которые построили на этом свою политику... Среди наших заказчиков есть Америка, Германия, шведы, Израиль, Швейцария... (Вадим).

Изменяя стратегии, чтобы снизить стоимость продукта, конкурирующие производители «софта» продвигаются все дальше в поисках дешевых рабочих рук (или голов). Такая форма использования ресурсов называется *outsourcing* (вынесение экономической активности во внешнее пространство) или оффшорное программирование. В мае 2002 г. Школа бизнеса Американского университета в Вашингтоне организовала семинар для представителей деловых кругов и правительства, посвященный аутсорсингу в Восточную Европу, масштабы которого хотя и меньше, чем в Индии и Китае (чьи обороты в этой сфере составляют миллиарды долларов), но продолжают расти.

Аутсорсинг выгоден работодателю по двум причинам: разнице в оплате наших и западных специалистов (живущих в более «дорогой» части света); возможности для западных работодателей избежать каких-либо социальных выплат в связи со слабостью (и глупостью) государства. С самого начала сфера новых, «несоветских» ИТ строилась вне формальных структур, которые «только мешают», выростала через полуподпольные кооперативы, через сети уехавших на Запад знакомых, которые стали посредниками между западными компаниями и новыми неформальными коллективами:

Да, в начале 90-х уже в Москве сидели мальчики по квартирам и «ваяли код» – за наличные, на западного заказчика. И программы были какие надо, даже больше, может, чем в Америке, потому что там их покупать надо, а у нас так копируют (Валерий).

Постсоветские государства не только не разработали никакой политики в сфере новых ИТ, но – более того – «государство выступает в качестве рэкета», свидетельствуют мои респонденты. Поэтому «по квартирам», иногда снятым под офисы, иногда просто «на дому» работает подавляющее число программистов и сейчас: западные работодатели «не существуют» в нашем пространстве, кроме как в виртуальном виде (сейчас взаимный поиск заказчиков и исполнителей чаще всего происходит по интернету), не регистрируют себя здесь и вообще всячески избегают каких-либо отношений с государством. В этом смысле оно оказалось «преодолено»: т.к. деньги платит «глобальный» заказчик, работники могут не обращать внимания на государство. Соответственно, программисты работают – пользуясь определением М. Фуко – в символическом «поле народного противозакония»: получают зарплату наличными, не платят налогов (или платят с некоей фиктивной суммы, проходящей по счетам фирмы «Рога и копыта»), но пользуются социальными ресурсами своих стран. Как рядовые разработчики, так и менеджеры в СП или филиалах западных компаний говорили о «зарплате в конверте», которая, чтобы превратиться в наличные деньги здесь, обычно проходит через прибалтийские банки, где, как многие считают, «законодательство специально разработано под подобные операции» (в частности, специально «для нас» открываются банковские карточки, на которых нет имени владельца счета). Глобализационный процесс налицо.

Между тем, у «широкой публики» популярна, а руководителями ИТ-компаний всячески продвигается точка зрения, что ИТ прогрессивны «сами по себе», работают на экономику и их следует приветствовать и развивать в любом виде. По словам руководителя московской программистской группы *IBS*:

Компьютеризация – очень важный индикатор здоровья экономики... Чем больше страна начинает заниматься компьютеризацией, тем лучше ее состояние, потому что компьютеризация – это уже не физическое выживание, это функции контроля, это инвестиции, которые в перспективе дадут еще большие инвестиции⁶.

Поэтому, проговаривается он далее относительно более частных интересов, платить людям в этой сфере – в связи с их общей полезностью для «здоровья экономики» – следует хорошо (и даже очень хорошо):

Ну, раз уж мы вышли со своей продукцией на мировые рынки, раз уж конкурируем за специалистов, значит, надо людям и платить соответственно⁷.

В реальной постсоветской жизни ИТ существуют как сфера в теневой экономике, а потому не обязательно работают на развитие местного сообщества; скорее, они предполагают только покупку его интеллектуальных ресурсов и иногда сравниваются с сервисом по вызову. Когда западные электронные гиганты продвигают свои программы на рынок, они обычно не указывают, где те написаны, а зачастую не знают этого сами:

Большинство из них (заказчиков – Е.Г.) – консалтинговые фирмы, которые нас перепродают. Мы делаем заказы для таких компаний как...я представить себе не могу, чтобы они когда-нибудь напрямую сотрудничали с нами... (Вадим).

«Отсутствие имени» у программистов – показатель их существования вне доминирующей позиции на рынке ИТ (имя – атрибут автономного, независимого субъекта) и формирования новой системы зависимости постсоветских стран.

Работа на западного заказчика, в конечном итоге, приводит к перемещению уже не «идей» (программ, разработок), а людей:

Существующие здесь компании работают как сито. Когда люди приходят ко мне устраиваться, я у них прямо спрашиваю: «Как долго вы собираетесь в этой стране задержаться?» И они мне так же честно отвечают: «Ну, годик я еще здесь побуду» (Вадим).

Сами уезжающие легитимизирует отъезд, в частности, тем, что

Здесь на определенном этапе перестает быть интересно. Профессионально надо чего-то большего, а большего в Беларуси не требуется... Я не считаю, что патриотизм – оставаться в стране, которой ты не нужен (Дима).

На самом деле «глобальная» причина миграций специалистов по высоким технологиям одна – это природа самой профессии, которая «не привязана» к какой-либо национальной культуре, а потому может быть реализована где угодно. В одном из интервью работающий в Вашингтоне бывший москвич так определил многовекторность профессии:

«Мне все равно, где работать. В Америке, Южной Африке или Германии. Где будет работа, туда и поеду» (Андрей).

В национальных же публичных дискурсах хайтеки рассматривается как едва ли не главный национальный ресурс, а их отъезд – как ослабление страны, ее позор:

Больше всего уехало (на Запад – Е.Г.) людей, которые связаны с информационными технологиями. А информационные технологии – это будущее России⁸...

Вот перед Вами я, человек, готовый отказаться от ПМЖ и остаться здесь и работать. И, поверьте, мной движут абсолютно не «шкурные» интересы, нет мне смысла врать, как я говорил, завтра или послезавтра я уеду и работу там найду – PL/SQL и JAVA везде одни и те же. Но вот ХОЧУ я работать в коллективе, который преследует цель не просто сделать деньги и свалить, а ПОДНЯТЬ РОССИЮ⁹.

Те «эмоции», которые проговариваются в этом отрывке, связаны с чувством к «национальному государству», т.е. родине. Более всего дискурс о любви к родине и величии России сосредоточен на интересах работающих в этой сфере людей:

Они понимают, что тут начнет подниматься экономика. А когда экономика поднимается, открываются экономические вакансии. Поэтому мы должны придумать программу возвращения этих ценнейших кадров, чтобы они строили здесь свои компании, привозили сюда деньги, которые там заработали, вкладывали их¹⁰ ...

Дискуссии на постсоветском пространстве относительно ИТ – это всегда балансирование между двумя идеями: поднять страну (обычно речь идет о России), вернуть ей былое величие – и одновременно обеспечить (и оправдать) высокие зарплаты работающих в ИТ людей (но не учителей или социальных работников), т.е. легитимировать формирование имущественного неравенства.

Если происходящее сейчас перераспределение власти между странами и континентами определяется тем, кому удастся сосредоточить на своей территории «критическую массу» мозгов, а собственные человеческие хайтековские ресурсы недостаточны, то богатые страны видят выход «в поиске талантов там, где инженеров больше, чем хороших рабочих мест»¹¹.

«В связи с тем, что количество выпускников наших инженерных программ уменьшается, у США нет другого выхода кроме удовлетворения растущей потребности за счет зарубежных инженеров»¹².

Специалисты по новым технологиям прибывают по рабочей визе H1-B (эйч ван би) только в США в количестве 160 тысяч человек в год. В последние годы политика благоприятствования и соответствующие визовые программы для специалистов по высоким технологиям были одобрены правительствами Германии, Великобритании и других государств первого мира. Озабоченность этой интеллектуальной миграцией отражается в американском дискурсе так же, как в постсоветском, хотя сосредоточена вокруг других проблем. Письма, пришедшие в редакцию органа IEEE (Американского объединения инженеров-электриков и электронщиков) «The Institute» в ответ на предложение сенатора Фила Грэмма увеличить въездную квоту для зарубежных специалистов вдвое, были помещены под рубрикой «Остановить безумие H1-B!»:

«Количество въезжающих по H1-B чрезмерно высоко уже сейчас, и их увеличение будет направлено против американских специалистов среднего и старшего поколений, которые уже испытывают трудности с получением работы. Их систематически «обходят» и не направляют на переподготовку, потому что это обходится дороже, чем готовый иностранный специалист.

Это явная дискриминация, и она должна быть прекращена. Встанет ли IEEE на защиту американских инженеров?»¹³

«Простой американский разработчик» не особенно приветствует интеллектуальную конкуренцию с приезжими, в то время как менеджеры высшего звена (работодатели или их агенты, т.е. «угнетатели», как сказал бы Маркс), наоборот, поддерживают миграцию ввиду ее выгоды. Такое классовое расхождение в отношении к одному явлению является свидетельством конфликта, о котором Ричард Рорти говорит, что путей его разрешения пока что не смог предложить никто. Это противоречие между глобализацией и текучестью рынка труда, в связи с чем отдельное государство перестало быть элементарной единицей капитализма, с одной стороны, и, с другой – стремлением сильных государств защитить свое население и свой рынок посредством соответствующего распределения социальных привилегий и, соответственно, социальной справедливости¹⁴. Руководители компаний нанимают иностранных специалистов, потому что это выгодно для компаний и, следовательно, для их страны; таким образом они забирают работу у своих граждан, что невыгодно для этих граждан и, соответственно, для страны. «Глобализация создает мировую экономику, в которой попытки одного государства предотвратить обеднение своих рабочих могут привести только к лишению их работы», – указывает Ричард Рорти¹⁵.

Некоторое неустойчивое равновесие достигается посредством определенной визовой политики в отношении иностранных специалистов как части стратегии защиты своих рабочих и своего рынка. «Самозащитные» дискриминационные меры свойственны не только США: все государства мира озабочены судьбой прежде всего собственных, а не чужих граждан. Поэтому, например, радиоактивные отходы везут хоронить к *другим*, что решает экологические проблемы данной страны, но никак не всей планеты. Само конструирование государства-нации как социальной и политической структуры подразумевает «неустанно меняющийся процесс включения и исключения», постоянную дискуссию в обществе о том, в каких категориях производить дифференциацию себя и другого, что демонстрирует приведенное письмо в «The Institute» в защиту «своих» инженеров. Оно четко отделяет своих от чужих: «чужие» забирают «нашу» работу и пользуются привилегиями, которые должны быть только «нашими».

Дискурс по новым технологиям – это всегда и прежде всего дискурс о своей нации в противопоставлении иностранному доминированию (воображаемой военной угрозе); оправдание перемещений людей и денег и получения прибылей. Но для того, чтобы весь глобальный проект ИТ работал, должны быть соблюдены некоторые – в том числе гендерные – условия. Женщины (или определенные конфигурации гендерных отношений) являются необходимым «компонентом»

технологического развития – подобно тому, как жены, санитарки, проститутки и работницы военных заводов необходимы для существования военной машины и милитаристской идеологии¹⁶. Для того, чтобы можно было реализовать перемещение большого количества специалистов в глобальных масштабах, определенная конфигурация гендерных отношений должна казаться «естественной». На постсоветском пространстве эта конфигурация включает формирование сферы ИТ как мужского сообщества и одновременно «среднего» класса.

Женщины на службе ИТ, или жены «русских» программистов

В середине 90-х годов на ОРТ был популярен следующий рекламный сюжет. Молодой человек что-то объясняет девушке у экрана компьютера; она, судя по всему, «абсолютно не врубается». «Ну что, поняла?» – спрашивает молодой человек и после ее минутного молчания обращается к телезрителям: «Для тех, кто понял...». Эта сцена гендерно банальна и интересна разве что современным антуражем: раньше старый князь в «Войне и мире» излагал княжне Марье теорему подобия треугольников, пользуясь листом бумаги, а прогрессивный Штольц в «Обломове», образовывая свою научно девственную жену Ольгу, «не чертил ей таблиц и чисел, но давал общую живую картину знания...». Нынешний прогрессивный мужчина растолковывает «картину знания» у компьютера.

Интересно в этой связи только то, почему ему «приходится» этим заниматься, ведь изначально программирование являлось женской работой (как некое «продолжение» барышни с арифмометром). Первый компьютер *ENIAC* программировали женщины; легендарной программисткой, практически канонизированной в своей профессии еще при жизни в США считают Грейс Хоппер (*Grace Hopper*), которая в течение нескольких десятилетий царствовала на *IBM*. По мере того, как программирование было признано областью, требующей интеллекта и воображения – и обещавшей соответствующее вознаграждение и репутацию – оно превратилось в мужской клуб¹⁷. Возникло мнение, что женщины программировать «не могут».

Практически все мои собеседники до тридцати лет уверяли меня, что у нас женщин в программировании очень мало, даже меньше, чем в Америке (при этом уточняли, что большинство американских программисток родились в Индии или Китае). Они уже не застали те – советские – времена, когда программирование было исключительно женской профессией (мужчины занимались «железом»). С одной стороны, это свидетельство успешности советской образовательной политики и доказательством того, что «право-» и «левополушарность», которой нас часто «пугают», здесь абсолютно не при чем. В определении возможностей трудоустройства для мужчин и женщин ведущую роль играет государство. С другой стороны, высшее образование в

последние годы существования СССР перестало обеспечивать доступ к деньгам и престижу (водитель автобуса получал больше доцента и уж точно больше научного сотрудника). Концентрация женщин в какой-то области свидетельствует обычно о невысоком вознаграждении. Иначе говоря, «технологии» обеспечивают высокий статус не сами по себе, а в соединении с социальной властью.

С распадом ВПК «железа» (т.е. разработки и производства аппаратного обеспечения) в нашей части света почти не осталось, и профессиональное распределение изменилось коренным образом. С возникновением спроса на программирование со стороны Запада, ростом вознаграждения и превращением программистов в хайтековскую элиту программистки исчезли «как класс» в работающих на Запад группах и остались разве что на уцелевших государственных предприятиях (где низкие зарплаты). По словам одного из моих собеседников, менеджера программистской группы, «в Беларуси успешно работающих программисток можно пересчитать на пальцах одной руки».

В профессию пришли мужчины – как те, кто раньше работал с «железом», так и бывшие физики, химики, биологи. Все они на вопрос «где вы выучили C++?» отвечали: «сами» (все хвалили советское образование, обеспечившее базу для переквалификации). В этой сфере довольно значительно число не имеющих специального образования лихих молодцов, уже ставших частью популярной культуры:

Антону было двадцать два. В 17 лет он был студентом медицинского ин-та и ставил над собой широкомасштабные психоделические эксперименты. В 18 он был профессиональным хакером и отсидел год в тюрьме города Амстердама за активное соучастие во взломе денежного автомата. В тюрьме он выучил два языка: французский и HTML. В девятнадцать стал чемпионом города по скейтборду. В 20 женился. В 21 развелся¹⁸ ...

Путь таких «детей перестройки» в программирование (обычно они занимаются созданием вебсайтов – часто порнографических, иногда взломом плохо защищенных ресурсов – например, электронных библиотек) чаще всего происходил через «свою компанию», какую-либо мужскую тусовку, иногда – рынок компьютерных деталей (ср. автомобильный рынок), интернетовскую «сеть друзей».

Последние два года (в школе) я серьезно учился программированию. Там был такой небольшой коммерческий банк «Н». Я работал в этом банке, в отделе, который занимается информационными технологиями. Мы писали базу данных для банка. Я учился на базе опыта тех ребят, которые были меня старше... Это была реальная техническая документация, реальные задачи, реальные сроки и реальная ответственность за это (Борис).

Средством для вхождения в профессию может быть «своя компания», и в ИТ компания эта – всегда мужская. Многие программистские коллективы выросли из «мужской тусовки» (в которой женщины в принципе не предполагаются), из неформального мужского общения, нередко на базе тех еще советских «хоздоговоров», которые были во многих НИИ средством дополнительного заработка. Малочисленность и неуспешность женщин (не обучавшихся на военных кафедрах, дававших военную специальность, ограниченно допускавшихся на полигоны и т.п.) в этой сфере косвенным образом связана с ее общим милитаристским характером и с представлением о том, что здесь нужны «мужские качества».

Подобных переориентаций целых отраслей произошло за последнее десятилетие немало. Бухгалтерия и банковское дело были женской сферой; в нынешних коммерческих банках, где зарабатываются большие (или очень большие) деньги, работают в основном мужчины. В этой статье я не ставлю целью рассмотрение вопроса о том, как именно происходит вытеснение женщин из тех сфер, которые становятся денежными. Самый распространенный ответ на этот вопрос обычно состоит в том, что «женщины сами туда не идут» (точно так же, очевидно, как они «сами не идут» в парламент, большую политику, большой бизнес), в то время как сами женщины свидетельствуют:

Женщина-программист – это вообще-то как ругательство. На женщин наши смотрят как-то так. Шуточки, ушмешки... Даже никто разговаривать не хочет. Только когда я сделала два проекта, они наконец поверили, что со мной можно иметь дело (Таня).

Это свидетельство важно потому, что далее я собираюсь говорить о том, как в ИТ встроились постсоветские политики женственности и мужественности, как дискурсивные технологии производят выделение женщин из мира ИТ и как они это выделение легитимизируют. «Значимое отсутствие» женщин в ИТ начинает восприниматься как «естественное», «всегда существовавшее», такое же «природное», как и сам пол. У постсоветских программистов появилось представление о «неспособности» женщин к программированию. Упомянутая Ольга Дергунова говорит:

Работая среди безусловно талантливых людей, я понимала, что никогда не смогу программировать на их уровне, не дано. Мне надо было искать что-то свое. В этот момент стало ясно, что продукты, которые мы разрабатывали, надо кому-то продвигать на рынке. Мне предложили взять это на себя. Так началась моя карьера управленца. До настоящего управленца было, конечно, далеко, но выбор я сделала¹⁹.

Один из моих минских респондентов на вопрос о женщинах в профессии ответил, что «они работают хуже. Не знаю, почему. Или это что-то с логикой,

головы у них так устроены» (Дима). Еще один свидетельствует, что «мужчины не хотят, чтобы ими руководили женщины» (Вадим). Третий считает программирование особой сферой, сродни «горячему цеху» или полю боя, где нужны именно мужские качества:

В программировании нужно, чтобы все работало, все состыковывалось, был результат конечный такой, как надо. Все должно получиться и работать. Ты отвечаешь, чтобы эта штука срабатывала всегда. Нельзя ошибиться. В других профессиях – ну, недоучила ты студента. А здесь оно просто работать не будет. Ответственность жуткая (Сергей).

Как оказалось далее, однако, мужские качества есть просто свобода от забот:

Программирование – это очень напряженная работа. Все время надо учиться. Каждые несколько лет все кардинально меняется, то, что ты учил что-то когда-то в институте, абсолютно не важно. Нужно осваивать новое все время, все время бежать, очень напряженно. А женщины заняты семьей, у них заботы всякие. Они не могут это делать (Сергей).

В ИТ как сферу мужского доминирования получают ограниченный доступ те женщины, которые удачно делают вид, что они мужчины:

В бизнесе вообще, и в компьютерном в частности, женщин мало. Понятно почему. Ты несешь двойной груз: и карьеру делаешь, и в семье как-то должна присутствовать. Я в течение многих лет не была в отпуске. Это, конечно, неправильно, но в тот момент иначе нельзя было – я училась, бизнес рос. И счастье, что муж и дочь это правильно поняли²⁰.

Так как ИТ – это в значительной степени «левые компании», они в принципе не предполагают социальную защиту, детей и отпуска по уходу за ними: этим занимается кто-то другой, тот, кто «более свободен», а на самом деле имеет меньше власти. Именно при такой социальной конфигурации женщины включаются в сферу ИТ, – а именно, как жены программистов и воспитатели детей.

Практически все из моих собеседников, уехавших в Америку программистов, отмечали, что мужья отказывались ехать без семьи («заработать и вернуться» либо «поехать посмотреть, а потом мы приедем»), если такой вариант обсуждался. Те, кто все-таки вынужден был это сделать, стремились вызвать ее как можно скорее. Для многих пар предстоящий отъезд стал решающим событием или катализатором в вопросе вступления в брак; иногда он становился своего рода причиной брака, который в ином случае вряд ли бы состоялся:

Мы встречались девять лет, и я предлагала, чтобы мы поженились, несколько раз, но он все как-то не решался... У меня нет высшего образования,

и его родители были против... отец особенно... Потом...он узнал, что едет в Америку и это как-то ускорило процесс... естественно, ему не хочется одному ехать, потому что он осознает это, что он будет один и что... незнакомые люди кругом, неизвестная страна, что трудности определенные будут (Соня).

Отношение мужчины к браку изменилось в связи с боязнью одиночества и трудностей жизни в незнакомой стране, с невозможностью представить себя отдельным, автономным, а также неуверенностью в собственной «брачной стоимости» в условиях эмиграции.

Часть браков во все времена заключается непосредственно по причине осознания ценности услуг, которые семья предоставляет и которые необходимы в том числе для успешного функционирования членов семьи за ее пределами. Во-первых, семья дает «смысл жизни»: ответ на вопрос «зачем зарабатывать деньги» известен и предопределен. Во-вторых, считается, что дом – это место, где сырые продукты и бездеятельные товары (утюги, сковородки и стиральные машины) превращаются в еду и предметы потребления; являясь одновременно гостиницей, рестораном, прачечной и детским садом, он необходим для воспроизводства (мужской) рабочей силы – для того, чтобы та, вобрав в себя домашнюю атмосферу, поев и выспавшись, назавтра вновь отправилась производить²¹. Этот постулат, давно ставший общим местом феминистской теории и первоначально относившейся к эпохе классического капитализма, описывает семью как институт «присвоения» женского домашнего труда теперь уже в постиндустриальную эру, причем в среде, которая – теоретически – более всех близка к прекрасному новому миру светлого будущего, так как ежедневно занята на работе производством технического прогресса.

Когда хайтеки уезжают на Запад, жены получают там формальный визовый статус «иждивенцев» H4 (*dependents*, т.е. «зависимых», в буквальном переводе), который не дает права на работу и подразумевает полную экономическую и социальную зависимость от партнера. Сегодня предполагается, что программистами должны быть в основном (достаточно молодые) мужчины, т.к. профессиональная миграция женатых мужчин социальна приемлема и они свободны – в социальном смысле – для передвижения по миру в гораздо большей степени, чем женщины. Соответственно ожидается, что «партнеры» программистов будут согласны следовать за ними, имея иждивенческий статус – и женщины делают это с большей охотой, чем мужчины, т.к. их собственные профессии обычно оплачиваются гораздо хуже. В тех редких случаях (мне известны всего два), когда программистки привозили с собой мужей по иждивенческой визе и тем приходилось оставаться дома и заниматься детьми, дело обычно заканчивалось либо возвращением всей семьи домой, либо разводом, после которого жена с детьми осталась в Америке, а муж вернулся на родину. Таким образом, для того, чтобы весь «глобальный проект» ИТ, включающий

перемещение большого количества специалистов, успешно работал, должны быть соблюдены «гендерные» условия.

Стратегия семьи и брака должна обеспечивать выполнение политических целей, и визовая политика, не оставляющая жене приехавшего в Америку программиста какого-либо иного выбора, кроме как быть домохозяйкой, основана на представлении об определенной структуре семьи и постсоветском процессе классовой стратификации.

Очевидно, начало как самому процессу «возвращения» женщин домой, так и его интерпретации показателя зажиточности было формально положено тогда, когда, озабоченное падением рождаемости, советское правительство увеличило оплаченные отпуска по уходу за ребенком до трех лет, а неоплаченные – до шести. Более всего, конечно, этот шаг может рассматриваться как косвенное признание осознания обществом той антропологической закономерности, что уровень биологического воспроизводства зависит от степени включенности женщин в «производство пищи» (работу вне дома, общественное производство – в зависимости от того, какое общество мы имеем в виду), так как «работа, выполняемая женщинами, должна быть совместима с беременностью и лактацией»²². Перекладывая этот вывод на наше время, можно сказать, что так как у работающих женщин детей меньше (они делают в жизни иные выборы), то более богатое общество всегда пытается «освободить» женщин для воспроизводства, отобрав у них возможность выбора.

С другой стороны, увеличение отпусков явилось свидетельством еще и того, что советское общество, став богаче, начало воспринимать ситуацию, при которой мужчины не имели системного превосходства над женщинами в обладании ресурсами (в какой-то степени имели, конечно, но в целом женщины зависели не от отдельных мужчин, а в гораздо большей степени от государства как «отца») как «неудобную». Когда в самом начале перестройки Михаил Горбачев назвал освобождение женщин от двойной нагрузки (на работе и дома) одной из перестроечных целей (с тем, чтобы они могли быть лучшими матерями), он выражал именно эту общественную озабоченность. Характерно, что параллельными задачами были объявлены гласность и демократизация. Освобождение от двойной нагрузки теоретически может быть осуществлено различными способами – например, использованием наемного труда других женщин для помощи по дому или возросшим участием мужчины в домашних делах. Последний вариант никогда серьезно не обсуждался: например, никогда не рассматривалась необходимость каких-то мер для того, чтобы мужчины действительно брали отпуска по уходу за ребенком. «Освобождение женщин» являлось эвфемизмом, необходимым для дискурсивного оправдания реконфигурации рынка труда и иной профессиональной сегрегации.

Одновременно с тем, что женщины должны были увидеть себя прежде всего женами и матерями, мужчинам предстояло превратиться в кормильцев

(а также хозяев и профессионалов). Постсоветское представление об успешной мужественности включает возможность содержать семью и иметь неработающую жену, которая занимается домом и детьми. Для реализации этого идеала необходимо не только, чтобы мужчина достаточно зарабатывал, но и чтобы женщина в принципе зарабатывала меньше (и, возможно, поэтому) была согласна не зарабатывать вообще, часто рационально оценив свои шансы на рынке труда. Один из респондентов на вопрос о том, что стало с профессией жены (до отъезда преподавательницей музыки) в связи с переездом в Японию, а потом в США, ответил:

Я получил неплохую работу там, и это давало нам возможность так жить, чтобы Таня могла не работать (Виктор).

Как и Горбачев, он был озабочен правом женщины оставаться дома (для чего должен был зарабатывать достаточно сам), но не возможностями другой конфигурации семьи, безусловно, учитывая при этом, что зарплата учительницы музыки не сравнима с программистской.

Нельзя сказать, что в постперестроечное время таковыми стали большинство семейных сценариев, а лишь то, что семейный идеал воображаемого западного среднего класса стал социально приемлемым и даже желанным для них и что общество стало озабочено тем, чтобы значительная часть женщин была исключена (хотя бы временно) из рынка труда. Одна из респонденток, 33-х лет, обосновала согласие ехать необходимостью «все равно сидеть дома с ребенком – хоть в той стране, хоть в этой»:

Когда все это дело обсуждалось, естественно, в расчет бралось, что работа у него будет интересная... то есть, если бы не было Маши, если бы я ходила по-прежнему на работу, наверное, я по-другому бы как-то думала об этом. Поскольку я решила, что я все равно должна сидеть дома три года в декретном, то мне не трудно было принять такое решение... впервые вопрос такой вставал еще до того, как появилась Маша и тогда разговоры, конечно, были совсем другие, потому что речь шла о том, что да, ему здесь работа, а я как бы при нем и мне ... Ну это не очень интересно было для меня, потому что сидеть просто дома и ничего не делать – это трудно. Когда появилась Маша... вопрос решился проще из-за того, что тут я сижу сейчас с ребенком, и там я бы так же сидела дома (Лиля).

Женщины часто «все равно» сидят дома, часто даже в тех случаях, когда – теоретически – могли бы работать, например, когда имеют специальность, связанную с новыми технологиями. Они уходят из профессии (сначала полагая, что временно) прежде, чем успевают достичь в ней успеха:

...потом ребенок, и все. Потом поезд ушел (Наташа).

Мужчины в это время становятся специалистами. Оставшись однажды дома, женщины потом не могут вырваться из этого круга, потому что

...ну вот я прихожу устраиваться. Меня спрашивают, где вы работали, какие проекты делали. Я говорю, что вот как бы нигде. Ну понятно, что никто дальше разговаривать не хочет (Наташа).

На вопрос о том, почему женщина, имеющая связанную с компьютером специальность, не работает (живут в одной из стран Восточной Европы, ребенку около трех лет), друг семьи дал «структурированный» ответ:

– Ей это не нужно. У нее муж есть. Шутка. Прикрывается ребенком. Хотя Саша (который находится на работе полный день – Е.Г.) занимается ребенком не меньше времени. По крайней мере, в моем присутствии.

– Немного отстала от технологии, сложно конкурировать по срокам. На моей памяти это произошло при рождении ребенка. А сейчас обленилась и не берет себя в руки (Борис).

Здесь структурные причины (жена не имеет рабочей визы, занята ребенком, количество контактов, необходимых для поиска работы и перемены визы, ограничено, объективно потеряла квалификацию и т.д.) переплетены с идеологическими: представлением, в целом характерном для бытового сознания мужской программистской среды, что ей это «не нужно» и «лень», т.е. женщина в принципе маркируется как «непродуктивная». Такое определение непосредственно связано с дискурсивным конструированием мужчины как кормильца; вместе с тем, оно позволяет оправдать тот порядок вещей, который, давая ему преимущества в социальной жизни, действительно позволяет быть кормильцем.

«Неработающая» жена обычно является «предметом гордости» и как таковая в определенной социальной среде рассматривается как свидетельство высокого статуса и финансового положения мужчины. Однако в семьях программистов ситуация выглядит более сложной. До переезда и муж, и жена работали или, по крайней мере, женщины имели профессию, в которую предполагали вернуться. Теперь же «профнепригодность» жены (и, соответственно, отсутствие рабочей визы) в другой культуре является причиной ее маргинального положения: она не работает «не от роскоши»:

Я не думаю, что женщины, которые приезжают сюда по Н4 (иждивенческой визе), претендуют на свою работу прошлую. Они приезжают сюда с мужьями, с детьми именно для того, чтобы семья вместе была, а не чтобы тут миллионы какие-то заработать, и я думаю, что многих женщин устроила бы работа хоть какая, на неполный день, ну вот чтобы отвлечься от дома, чтобы помочь семье материально, ну вот чтобы не чувствовать себя как-то ущербной в этом обществе (Лиля).

Муж и жена хотя и составляют одну семью, их социальные мобильности в структурных условиях, определяемых визами, разнонаправлены или, по крайней мере, неоднозначны. Если мужской статус достаточно высок и стремится вверх – он профессионал в новой и престижной сфере, получает высокую зарплату, содержит семью («все на нем» и ответственность огромна) и репрезентирует ее в публичной сфере, то женская социальная мобильность «неоднозначна». Именно этот термин использует Рачел Парренас, автор объемного исследования, посвященного филиппинским женщинам, которые мигрируют в страны Запада в качестве домашней прислуги и которых она называет «слугами глобализации». Парренас говорит о противоречивой социальной мобильности этой группы²³. С одной стороны, происходит снижение социального (профессионального) статуса мигранток, т.к. на родине эти женщины, многие из которых имеют высшее образование, работали в школах и даже колледжах. С другой стороны, происходит «повышение финансового статуса», т.к. женщины, работающие нянями или сиделками (часто нелегально, о чем, впрочем, знает вся Америка и на чем в значительной мере держится американский вариант гендерного равенства), содержат оставшиеся на родине семьи.

Приблизительно такой же процесс – неоднозначной социальной мобильности – характерен для семей программистов. Жены, конечно, не покидали свою страну в поисках лучшей доли в том смысле, в каком это верно для филиппинской домашней прислуги (или прислуги из бывшего СССР – группы, все более заметной на Западе). У них нет материальных проблем в смысле «а что мы будем есть завтра? Можем ли мы позволить себе сходить к зубному?». Однако к зубному врачу они ходят по страховому полису, на котором указана фамилия мужа и, являясь «иждивенками», имеют финансовую стабильность именно и только как члены семей иностранных специалистов. Теоретически им незачем работать прислужкой в чужом доме, однако со временем почти все начинают (нелегально) подрабатывать едва ли не единственным доступным им способом, присматривая за детьми и стариками в американских или эмигрантских семьях, т.е. выполняя работу, которую не согласились бы делать на родине в качестве средства заработка.

Маргинальная социальная позиция женщин с иждивенческим статусом, даже если не вполне осознаваема или, по крайней мере, не высказана как таковая (в ответ на прямой вопрос), так или иначе проговаривается, чаще всего «через деньги» как некий всеобщий отношенческий эквивалент:

Здесь, конечно, почти все покупки оплачиваются Сергеем, карточкой... Мне он дает деньги наличными. У меня нету карточки... в принципе надобности особой нет (через несколько лет карточка была заведена – Е.Г), потому что крупных вещей я никаких не покупаю... сразу, когда я приехала, у меня была какая-то сумма довольно крупная своя... но она быстро истратилась... вылазки

по магазинам в одиночку бывают крайне редко, намного реже, чем хотелось бы... и как нужно всякой женщине иногда потратить какую-то сумму. И в принципе, я не считаю, что это какой-то недостаток женщины, то есть как говорят, как можно судить о том, как женщина ведет хозяйство: женщина может потратить какую-то сумму денег, но это никак не отражается на бюджете, что-то купить и муж в общем не заметит, что купила лишние чулки или какую-нибудь дребедень. Здесь получается, что каждую, простите, фигню нужно согласовывать, ты не просто это покупаешь, но каждый раз нужно как бы морально, ну, в глубине души отчитаться, что вот мне надо, я это покупаю... Сергей как-то сам дает деньги, то есть он никогда не спрашивает, сколько там у меня есть, осталось, что я там покупала, не покупала. То есть в принципе я не скажу, что я стеснена в деньгах, но... дело здесь еще, наверно, не столько в деньгах, сколько в общем нашем положении...

Мы вроде бы здесь свободны. А на самом деле мы очень зависимы (Лиля)

Деньги выступают символом независимости, с их помощью осуществляется связь с миром за пределами семьи, и респондентка ощущает и описывает свою ограниченность в возможностях социального действия как необходимость «отчитываться» за них (не важно, перед мужем или перед собой), т.е. свою подконтрольность (очевидно, мнимую), отстраненность от принятия решений, ограниченность в попытках действовать самостоятельно.

Однако такое признание зависимости, которое может быть получено в рамках беседы один на один (когда интервью проводится приятельницей и имеет характер доверительной беседы), никогда не делается публично. Наоборот, «перед другими» эмиграция проговаривается как текст успеха, как, например, в следующей цитате, представляющей собой ответ на присланный на форум «Русская Оттава» вопрос:

«Там жены без языка, работы, подружек, сплетен и прочих женских радостей не звереют?»

Некая «Галя, жена Саши» пишет:

...Наши обычные «развлечения»: шопинги по молам, кулинария, выписывание косметики и проч. по каталогам, посещение кондитерских, гуляние с детьми на детских площадках, конечно, сплетни... У многих из нас свои (отдельно от мужа и детей) персональные компьютеры – чтение новостей из России по Интернету, переписка или болтовня в АСЪКЕ, дизайн и интерьер квартир, мода...

Всем нам, конечно, здесь очень нравится, а детям и того больше. Никогда не скучаем (дома 70-100 ТВА программ), под окнами бассейн, погода и природа замечательные. И еще. Русские женщины по сравнению с канадками все писаные красавицы: и одеваются со вкусом, и фигурки изящные... Ну просто как королевы здесь! Я забыла про сервис написать,

так вот – стирки как таковой нет, все делают автоматы, пол мыть не надо – везде ковровые покрытия, сумки носить не приходится – всё возят на тележках мужчины к машинам и т.д. Уловили? И последнее: одиноких наших мужчин здесь больше, чем одиноких женщин (те обычно не задерживаются), и первые часто маются в одиночестве, ищут свою половину среди русских девчонок и завидуют хорошим семейным парам белой завистью»²⁴.

Вопрос не в том, является ли этот текст в сопоставлении с предыдущим правдой или ложью (очевидно, его вообще не стоит оценивать с точки зрения позитивистской достоверности); это «ритуал, повторяемый бесчисленными эмигрантами, посылавшими домой письма с целью впечатлить и убедить друзей и родственников – и, возможно, самих себя, что жизнь их изменилась к лучшему»²⁵. В этом культурном свидетельстве, где можно «прочесть» пол/культурную идентичность/социальный статус/гендерные отношения/восприятие «другого»/цивилизационную компетентность, меня интересует только то, что касается демонстрации женской «успешности»: она однозначно связывается с *принадлежностью мужчине* – даже если женщина сможет осуществлять над «своим» мужчиной значительный контроль (что часто происходит в пределах семьи).

В заключение

Я полагаю, что описанные здесь политики значимы при поиске ответа на вопрос о том, как новые технологии влияют на статус женщин – улучшают или ухудшают его – в контексте глобализационных процессов конца/начала тысячелетия. На этот вопрос нельзя дать однозначного ответа, т.к. даже оказываясь «вблизи технологии» и будучи вовлеченными в нее, женщины «распределяются» там в соответствии с общей социальной структурой, занимая в технологической иерархии – как и в социальной – низшие ступени. Они гораздо чаще становятся сборщицами на конвейерах, чем главными инженерами, пользовательницами компьютеров, кассирами и операторами различных устройств, чем их разработчицами. Даже объектами виртуального секса (через порносайты, сексуальную библиотеку *Internet*) женщины становятся чаще мужчин: как и в реальной жизни, женская сексуальность является здесь товаром в большей степени, чем мужская. По крайней мере до тех пор, пока новые технологии, как и война, остаются бастионами мужской идентичности.

---

¹ Paul Ceruzzi, *A History of Modern Computing* (The MIT Press, 1998), p. 5.

² Paul Ceruzzi, *ibid.*, p. 8.

³ Tarja Cronberg, «The Feeling of Home. Russian Women in the Defence Industry and the Transformation of their Identities», in *The European Journal of Women's Studies*, 1997, V. 4, p. 270.

⁴ Между тем в тех странах, где «нет химии» и продукты действительно чистые, временами наступает голод.

⁵ Appadurai, Arjun. «Grassroots Globalization and the Research Imagination», in *Globalization*, Arjun Appadurai, ed., (Duke University Press, 2001), p. 5.

⁶ *Огонек*, 2000, № 40.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ *Огонек*, 2000, № 43.

¹⁰ *Огонек*, 2000, № 40.

¹¹ Hired Today, «Gone Tomorrow?», *Photonics Spectra*, 2000, April, p. 86.

¹² *The Institute*, 2000, апрель.

¹³ *The Institute*, 1999, ноябрь.

¹⁴ Richard Rorty, *Achieving Our Country. Leftist Thought in Twentieth-Century America* (Harvard University Press, 1998), p. 98.

¹⁵ *Ibid.*, p. 85.

¹⁶ Cynthia Enloe, *Does Khaki Become You? The Militarization of Women's Lives*. (London, Pluto Press, 1983), p. 17.

¹⁷ Michael S. Mahoney, «Boys' Toys and Women's Work», in *Feminism in Twentieth Century. Science, Technology and Medicine*, in Angela Creager et al., eds. (University of Chicago Press, 2001), p. 170.

¹⁸ Сергей Болмат. *Сами по себе* (М.: Ad Marginem, 2000), с. 39.

¹⁹ *Огонек*, 2001, № 38.

²⁰ Там же.

²¹ Коллинз, Рэндал. «Введение в неочевидную социологию», *Антология гендерной теории*, под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой (Минск, «Пропилеи», 2000), с. 131-133.

²² Хубер, Джоан. «Теория гендерной стратификации», *Антология гендерной теории*, с. 84.

²³ Rhacel Salazar Parrenas, *Servants of Globalization. Women, Migration and Domestic Work* (Stanford University Press, 2001), p. 150.

²⁴ <http://russian.ottawa.com/roprohorisms/htm>

²⁵ Hoffman Eva. *Lost in Translation. A Life in a New Language* (Penguin Books, 1989), p. 116.